

25 ноября 1986 г. ◆ 5

КНИГИ

Тысяча

и одна жизнь

Театр для Софьи Владимировны Гиацинтовой начинался счастливо: у ее «колыбели» стояли Станиславский и Немирович-Данченко. Никого не повторяя, никому не подражая, ни под кого не подделываясь, пишет она о них в своей книге* то, что сама знает, помнит, то, что поняла тогда, в юности, а быть может, и много позже. Потому они у нее, конечно же, великие, конечно же, основоположники, начало всех начал, люди, сделавшие для русского (и мирового!) театра столько, что и не постигнешь, и, конечно же, люди, которым было свойственно и хорошее, и дурное, и великое, и смешное, люди подчас со странностями, с причудами... Умалило ли это их в глазах потомков, в глазах сегодняшних читателей? Конечно же, нет, тысячу раз нет! Напротив, превратило каждого в человека обычного — рядом с Человеком гениальным, свело с помпезных котурн, сделало понятным, страшно сказать, близким, осязаемым, словом, живым.

Друзья. Соратники. Люди, самые близкие на всю жизнь. Такими были для Гиацинтовой Вахтангов, Михаил Чехов, Серафима Бирман, многие актеры и режиссеры Первой студии, впоследствии МХАТа 2-го. Ее воспоминания о Михаиле Чехове особенно бесценны: за невзрачной внешностью маленького, худенького Чехова встает потрясающий образ, может быть, самого великого актера, какого знала когда-либо русская сцена. Гиацинтова рассказывает о Чехове страстно, пристрастно (I), влюбленно: с самого начала, с первой встречи она обостренно ощутила его огромную высоту, его особый дар актера, способного играть трагедию и фарс, глубину философских раздумий и яркий, заостренный гротеск... Не переставая быть легендой, роли Михаила Чехова подлинно оживают под блистательным пером Гиацинтовой: рассказчика и исследователя одновременно. Великий актер, гениальный режиссер, оригинальный мыслитель — и слабый, рано сломанный человек — вот кого любила (а впоследствии оплакала) Гиацинтова в Михаиле Чехове. Шла рядом с ним и постаралась запомнить каждый из сделанных им на ее глазах шагов...

В откровенности, открытости книги Гиацинтовой нет ничего надуманного, ни капли позерства — они естественны, как бы сами собой разумеются. Потому, повествуя об успехах друзей, она не забывает и о себе. И мы понимаем, что в ее лице рядом с Чеховым, Вахтанговым, Бирман, Берсеновым жила, творила яркая и оригинальная актриса, самостоятельный художник с собственным видением как своих ролей, так и каждого спектакля в целом.

Она повествует о собственных успехах и откровенно, и удивительно деликатно, ничуть не похваляясь, просто отдает должное себе так же, как и другим: с юмором, но без ненужного кокетства. Умно, тактично, талантливо. С таким же тактом пишет Гиацинтова и о своей любви к Берсенову — мужу, любимому мужчине, коллеге, партнеру по сцене, соратнику, при этом к человеку самому для себя в жизни дорогому, единственному навеки... И тут рассказчица находит так же какие-то особые краски, особые штрихи: и абсолютно личные, и при этом могущие быть предметом рассказа «на публику». Здесь все сливается вместе — актриса, женщина, ученица, соратница... Все с той же никогда не изменяющей ей благодарной памятью.

«Тысяча и одна жизнь» — это и роли, созданные Гиацинтовой в Художественном театре, Первой студии, МХАТе 2-м, и те роли, что играют на страницах ее книги, на этой, ей одной подвластной сцене многочисленных людей: «премьеры» и «статисты». Шекспировское определение «весь мир — театр» обретает в данном случае какой-то особый, быть может, единственный и истинный свой смысл. Жизнь и театр видятся актрисе единой системой, в которой одно другое продолжает и дополняет, не в силах существовать друг без друга.

Теория и практика, «система» и спектакль не существуют для Гиацинтовой отдельно, но, напротив, в тесном единстве. Ее наблюдения (быть может, осмысленным позже, но сделанным тогда) над игрой Чехова, над спектаклями Станиславского, над первыми режиссерскими опытами Вахтангова может позавидовать самый взыскательный исследователь-театровед. Гиацинтовой присуще точнейшее театральное мышление, умение схватывать главное, суть, а потом додумывать остальное. Она запоминала не только собственное впечатление, но и то, чем оно было вызвано в каждом конкретном случае.

В книге Гиацинтовой — три части. Одна посвящена Первой студии Московского Художественного театра, вторая — МХАТу 2-му. А третью часть своей книги она посвящает детству. Когда еще не было театра (хотя, быть может, она его угадывала, провидела), была жизнь все равно интересная, увиденная тем же пытливым и взыскательным взглядом. Влюбленным, насмешливым, мудрым.

Здесь перед нами словно бы оживают старинные портреты, кавалеры и дамы, словно бы отряхнув... нет, не прах, а «снега былых времен», по выражению Вийона, входят естественно и властно в нашу сегодняшнюю жизнь. Все эти многочисленные бабушки и дедушки из огромного семейства Гиацинтовых — Венкстернов. Кто-то скажет, быть может: а зачем это? Нужно ли? Интересно ли? Да, отвечаю, нужно и интересно. Потому что жизнь ведь не состоит и никогда не состояла лишь из «великих», тех, кому посвящают мемуары и исследования, а по преимуществу из огромного количества просто людей — живших, любивших, смеявшихся, страдавших... Рассказать о них — значит раскрыть Жизнь во всей ее полноте и многообразии, значит приблизить их к нам, а нас к ним — ушедшим. Потому что, быть может, без всех этих бабушек и дедушек, кузенов и кузин — людей высочайшей культуры, удивительной духовности, отмеченных той особой интеллигентностью, что, кто знает, может, одной России присуща, без всех них, живших рядом с маленькой (а потом и взрослой) Соней Гиацинтовой, подспудно влиявших на нее, — кто знает, быть может, без них и не было бы замечательной актрисы и блистательной рассказчицы Софьи Владимировны Гиацинтовой. И в том, что она сочла нужным рассказать нам о своих родных, сказала все та же удивительная ее благодарная память.

Уходят люди, сменяются эпохи, сегодняшнее становится на глазах историей... И лишь такие книги способны остановить время, заставить его повернуть вспять, заставить за шелестом листов из дневника старой актрисы услышать живые голоса, почувствовать дыхание живой некогда жизни, догадаться, из чего она складывалась, эта жизнь, понять, как преходящее и вечное вкуче создавали огромный портрет эпохи... Огромный и беспредельный.

Ю. ФРИДШТЕЙН,

кандидат искусствоведения.

* Софья Гиацинтова. С памятью наедине. Литературная запись Н. Э. Альтман. М., «Искусство», 1985.